

АШИРА
ХААН

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

СЕРДЦЕ
МЕКСИКАНЦА

Ашира Хаан

Сердце мексиканца

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64846656

SelfPub; 2021

Аннотация

Остросюжетный СЛР! Когда два настоящих мачо соперничают за женщину, выбирать будет не она. Мексика – страна, вырастившая самые жестокие и кровожадные человеческие цивилизации. Какой еще тут может быть курортный роман? Только такой, что начнется не слишком добровольно, продолжится похищением и закончится убийством. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Паленке	4
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Ашира Хаан

Сердце мексиканца

Паленке

1.

Паленке оказался натуральной деревней: с орущими петухами, замызганными пикапами, пыльными не асфальтированными дорогами и громогласными матерями семейств, сидящими в плетеных креслах на своих верандах. Из домов пахло жареной рыбой и до боли родным, из детства, супом. По пыльной улице прогуливались куры и равнодушно жарило с небес мексиканское солнце.

На фотографиях в интернете квартира казалась немного старомодной, но чистенькой и милой. Наивные салфеточки и коврики виделись частью местной экзотики, диковинным дополнением к стандартному уровню комфорта с кондиционером и душем.

В реальности «апартаменты с отдельным входом» оказались двумя комнатами на втором этаже, куда надо было проходить через жилой первый. Там на полу валялись детские игрушки, орал телевизор, транслируя викторины и розыгры-

ши лотерей с разноцветными «колесами удачи», и лежал на диване хозяин дома, почесывая голое пузо под задравшейся грязной майкой.

Его старшая дочь, смуглая девчонка лет восемнадцати, проводила Алю наверх, шуганула из-под стола облезлую собаку и принялась снимать развешенное на балконе белье, одновременно что-то быстро рассказывая по-испански.

Кофеварки не было, чайника не было, в отключенном холодильнике хранился ржавый тостер, зато на две комнаты и балкон было целых пять телевизоров, а из окна было видно горы.

Аля тщательно заперла дверь, упала в плетеное кресло-качалку, медленно, с наслаждением, свернула самокрутку и закурила, щурясь на синюю дымку на горизонте. Интересно, там есть настоящие вулканы?

Всего семь дней. Можно потерпеть даже отсутствие кофеварки. К тому же у нее запланирована куча экскурсий, так что возвращаться она сюда будет только на ночь.

По-английски здесь никто не говорил, даже в столице было трудно найти ресторан с англоязычным меню. Белокожую женщину провожали любопытными взглядами. Особенно остро это ощущалось в метро, где, стоило Але резко повернуться, как она ловила блеск десятков черных глаз, устремленных на нее.

Здесь, в деревне, она выделялась еще и своим излишне городским видом, ярко-розовым огромным чемоданом и элек-

тронной сигаретой, которую не выпускала из рук.

Надо было встать, принять душ, переодеться и отправиться на поиски автобусов к ближайшим руинам, надо было погуглить какое-нибудь турагентство, чтобы добраться до руин, что подальше, найти место, где выдают дозу кофеина, раз уж с кухней в квартире не сложилось, надо было хотя бы разобрать чемодан, но вместо этого Аля закурила вторую сигарету и лениво качнулась в плетеном кресле.

Паленке как-то сразу расслабил ее, выключил городскую суетливость и нервозность, и даже на ящерицу, высунувшую любопытную морду из щели в метре от нее, Аля посмотрела с веселым спокойствием, хотя обычно визжала даже при виде таракана.

Через час она все-таки выбралась на улицу: без кофе вкус сигарет казался каким-то не таким, и новообретенное сибаритство, объединившись со старым добрым перфекционизмом, требовали довести деградацию в кресле-качалке с видом на горы до совершенства.

Было слишком жарко для прогулок, поэтому она свернула в ближайший магазинчик, где купила все-таки кофе и пятилитровую бутылку воды, не доверяя той, что льется из-под крана. С трудом дотащила ее по крутым улочкам, но перед лестницей на второй этаж тяжело вздохнула.

Толстопузый отец семейства, наблюдавший за ней с дивана, что-то строго крикнул, и из недр дома появился, видимо, старший сын – высокий, черноволосый, со странно кра-

сивыми, но при этом резкими чертами лица. Пугающе похожий на воинственных хозяев этих земель, какими они были изображены на пирамидах, что успела увидеть Аля.

Жестокие губы его предков презрительно скривились при взгляде на женщину-гринго. Наглые глаза напомнили Але взгляды наркоторгоцев и бандитов в Мехико: они сулили, что стоит им повстречаться с ней не днем на станции метро, а вечером и вне видимости полиции – и разговор будет куда более интересным.

Он выхватил бутыль и в одну секунду взлетел по лестнице, толкнул плечом дверь на кухню, занес воду, но сразу не ушел. Вместо этого он дождался, пока Аля тоже добралась до второго этажа, и оглядел ее, раскрасневшуюся, со спутанными волосами, с головы до ног, медленно и подробно, вообще не смущаясь, – словно накрытый для него шведский стол, с которого он обязательно все попробует. Но потом.

Под этим взглядом обычный, даже скромный городской сарафан ощущался как пеньюар из «Виктория Сикрет» – не только ничего не скрывающий, но и будоражащий воображение похлеще полной наготы.

Але захотелось прикрыть руками стратегические места, но вряд ли это бы помогло.

Парень обвел взглядом кухню, задерживаясь на признаках чужого быта – чашка из сувенирного магазинчика, электронная сигарета, шляпа с широкими полями и висящий на спинке стула бюстгальтер. Аля даже не успела покраснеть,

как он перевел взгляд обратно на нее и вновь смотрел долго, куда дольше приличного. Черный взгляд стал абсолютно нечитаемым, ноздри раздувались, кончик языка нырнул между зубами, словно в задумчивости.

– Спасибо за помощь, – быстро сказала Аля по-английски, надеясь прервать эту напряженную сцену.

Он приподнял уголок губ и склонил голову.

Ах да, она все время забывает.

– Gracias! – повторила она уже по-испански.

– De nada! – ответил тот и наконец ушел.

Она посмотрела ему вслед, чувствуя, как разбегаются по коже мурашки. Вряд ли ему больше двадцати. Ей тридцать. Но он ведет себя как взрослый и очень опасный зверь.

Матерый.

Семь дней внезапно показались ей слишком долгим сроком.

2.

В душе была только холодная вода. Краны не были подписаны, но как Аля их ни крутила, из обоих лилась жидкость одной и той же температуры.

Конечно, не такая, как в России зимой, не по-настоящему ледяная, приятно тепловатая, но все равно мыть голову было некомфортно.

Хорошо все-таки, что в конце концов она прилетела в

Мексику одна. Никакой святой человек не удержался бы от комментариев по поводу забронированной ею квартиры.

Аля и сама бы сказала что-нибудь ехидное, глядя на соседствующие на стене картины: на одной был Иисус в розовых блестках, на другой – обнаженный смуглый парень манерного вида, написанный ломаными линиями и с наклеенным на причинное место бантом из шуршащей бумаги.

Впрочем, в сувенирных лавках соседствовали Дева Мария с Кетцалькоатлем, так что хозяев могло ничего не смущать.

Поездку эту они планировали со старой сетевой подругой. Вместе продумывали маршрут, чтобы умудриться впихнуть в один отпуск как можно больше пирамид, музеев и соборов. Вместе мечтали, как будут потом купаться в Карибском море, пить текилу и есть огненные тако. Гадали, какими будут парни в местном «Тиндере», и утешали друг друга, что если местные окажутся не очень, в последнюю неделю на курорте наверняка найдется немножко симпатичных американцев и канадцев – говорят, именно они отдыхают на мексиканских пляжах.

Однако буквально накануне вылета у подруги серьезно заболела мама. Как бы ни было обидно, семейный долг был важнее дружеского. Часть денег за билеты на самолет удалось вернуть, но свою половину за гостиницы и квартиры подруга оставила Але в качестве компенсации за то, что бросает ее одну. За два дня найти нового попутчика было нере-

ально. Но и повторить подвиг с подготовкой поездки – тоже.

Аля курила полночи и думала, думала, думала... А наутро достала свой самый большой чемодан и кинула туда курпальник.

Увы, надежды на свидания со смуглыми сексуальными латиносами развеялись в прах: коренные жители этих мест были низкорослыми и коренастыми и, смешавшись с завоевателями, изрядно подпортили экстерьер их потомкам. Испанское изящество и обаяние столкнулось с суровой харизмой кровожадных индейцев – и результат не порадовал.

Окно в спальне оказалось без стекла. Можно было закрыть его ставнями, задернуть занавесками или запереть железной решетчатой створкой. Ничто из этого не помогало от доносящихся снаружи криков петухов и бравурной музыки очередной викторины.

В квартире вообще было много разнокалиберных окон: панорамные выходили на балкон, узкие бойницы были прорезаны в стене коридора, над раковиной было круглое окошко, как в домике хоббитов, и даже в туалете за жалюзи обнаружилось окно в крошечный внутренний дворик. Сам дом был таким же разнокалиберным, состоящим из лепящихся друг к другу пристроек, лестниц, балок, навесов и кое-как слепленных друг с другом кусков жести. Можно было выглянуть в окно в коридоре и неожиданно узреть кусок комнаты этажом ниже – с чьей-то смуглой ногой в шлепанце и стоящей рядом с ней бутылкой колы.

Выглянув в соседнее окно, Аля так же случайно подсмотрела, как выбегает из летнего душа хозяйская дочка: смуглая гибкая фигурка, гладкая кожа, черные волосы, чуть грубоватое жесткое лицо – достойная правнучка жестоких народов, когда-то владевших этой землей. Увы, судя по старшим женщинам, этой суровой красоте осталось недолго: к тридцати все женщины здесь безнадежно расплывались.

Спохватившись, она бросилась распаковывать чемодан и раскладывать косметику. После прогулки по пыльным улицам надо было протереть лицо тоником, иначе не миновать прыщей. Обычно Аля справлялась с ними с помощью кислотных пилингов, но в Мексике слишком активное солнце, пришлось пока повременить.

И на будущее не забывать, выходя на улицу, пользоваться хотя бы пудрой с SPF 20, иначе она на собственном опыте узнает, что такое фотостарение.

Возраста Аля боялась чудовищно, до панических атак и кошмаров. Семь лет назад, придя наконец в себя после маминой смерти, она посмотрела в зеркало и не узнала юную беззаботную студентку, которой была еще недавно. От той девчонки остались одни объедки времени: серая обвисшая кожа, тусклые глаза, заломы на лбу – словно ей было ближе к сорока, чем к двадцати.

Она кинулась тогда к одному врачу, к другому, к косметологу, пластическому хирургу, массажисту, психотерапевту, черту лысому – умоляя обернуть злое колдовство вспять.

С тех пор даже в недельном отпуске с ней всегда была ее косметичка с двумя-тремя полноценными линиями по уходу за кожей в любых условиях. Что бы ни происходило, в каком бы состоянии она ни была, «малый круг» очищения-увлажнения-питания составлял минимальные двадцать минут.

Со временем она научилась не только получать от этого удовольствие, называть уход за кожей своим женским наслаждением, но и в самом деле нашла приятные вещи вроде миста для кожи с запахом кока-колы, после которого ей хотелось облизать саму себя, или совсем мелкой блестящей пудры, незаметной днем, но заставляющей таинственно мерцать кожу вечером.

3.

Умытая, умощенная, пахнувшая свежо и сладко, Аля забралась на высокую широченную кровать в своей спальне. В ее деревенском детстве кровати тоже были такими – очень высокими, с горой матрасов и перин. Вообще местная деревня от российской глубинки отличалась мало – разве что куры были тощие да ходили между ними огромные важные индюки. И месяц тут висел рожками вверх, а не вбок.

Она никак не могла заснуть, слушая спорящие друг с другом телевизоры на первом этаже и у соседей, стрекот цикад в высокой траве, лай собак, беззаботную болтовню на испанском у нее под окнами. Слышимость была такая, будто по-

дружки сидели прямо у нее в ногах.

Закинув руки за голову, она гладила пальцами резную спинку кровати и думала, что вряд ли этот второй этаж строили специально для туристок с другого конца мира. Странно, что тут вообще знали о такой штуке как AirBnB. Скорее всего, и эта кровать с резной спинкой – в ширину больше чем в длину, и роскошь пяти телевизоров, и картины с Иисусом, и музыкальный центр с огромными колонками в гостиной, накрытый вышитыми салфетками, и даже почти не поцарапанные кожаные кресла – все это предназначалось молодой семье.

На этой кровати молодой усатый мачо должен был любить свою гибкую смуглую красавицу-жену, делать ей детишек одного за другим, десяток шепнутых потомков индейцев и конкистадоров. В этой кухне должна была она печь лепешки, варить густые супы и ругаться со свекровью, перекивая телевизор.

Но почему-то так не вышло, и теперь такие, как Аля, фифы будут приезжать сюда год за годом, оставлять недовольные комментарии, жалуясь на отсутствие горячей воды и стиральной машины, а кровать никогда не станет семейным ложем, познавшим и зачатие, и рождение, и смерть. Разве что пожилой немецкий турист не рассчитает силы в борьбе с мескалем и однажды утром не проснется – сдаст сердце.

В открытое окно тянуло запахами чужой непривычно острой еды и дымом, музыка и разговоры постепенно сти-

хали, сменяясь далеким смехом, и Аля провалилась в сон, все-таки незаметно, но сильно устав от перелета из Мехико и нервов с заселением.

Проснулась неожиданно рано – на рассвете, хотя никогда в жизни не была жаворонком. Но, видимо, местный воздух бодрил и наполнял энергией лучше городского.

Полежала, глядя через распахнутые окна на розовое небо, постепенно наливающееся жаркой белизной, и решила, что раз так, самое время поработать. На отпуск Аля оставила себе парочку не очень срочных статей, которые, в случае чего, можно было безболезненно отложить еще на месяц-два.

Идти гулять все равно рано, а тут можно успеть что-нибудь написать, пока хозяева не проснулись и не включили телевизор с очередной викториной.

Вскочив с высокой кровати, она скинула спальную футболку прямо на пол и пошла в душ с наивной надеждой, что вчера ей просто не досталось нагретой воды после всего огромного семейства, живущего здесь, а первой птичке достанется жирный червячок. Но увы, после прохлады ночи вода лилась даже не тепловатая, а по-настоящему холодная.

Краситься с утра не стала – все-таки деревенская атмосфера изрядно ее расслабила. Намазалась сладко пахнущим молочком для тела и прямо так, голой, вернулась в спальню, с удовольствием чувствуя, как гладит кожу теплый воздух. Есть плюсы и в одиночном путешествии: не надо торчать в

ванной, пока впитается крем.

Открыла чемодан, чтобы выбрать платье на сегодня, подняла глаза на утреннее небо – и замерла. Прямо напротив ее окна, на крыше какого-то сарая, стоял давешний парень и смотрел на нее, опираясь на тяжелый молот с длинной рукоятью. Его черный взгляд обжигал не хуже мексиканского полуденного солнца.

Несмотря на обнаженную грудь, где было на что посмотреть, палился он ей прямо в глаза, и от этого почему-то стало жутко.

Аля быстро захлопнула решетчатую створку окна, задернула штору.

Сердце билось тяжело и неровно.

На всякий случай она перепроверила щеколды на двери и заперла спальню изнутри.

Как она могла подумать, что кто-то увидит ее в такую рань?

Достала ноутбук, села по-турецки на кровати, открыла файл с текстом, но все равно продолжала ощущать огненный взгляд.

Будто он продолжает там стоять и видит ее по-прежнему голой сквозь занавески и натянутую прямо на влажное еще тело футболку.

Через час мучений с медленным деревенским интернетом и собственным воображением, она не выдержала, подошла к окну и осторожно заглянула в щелочку.

На крыше сарая никого не было.

4.

Время шло к семи, снизу потянуло запахами кухни, слышались разговоры – дом потихоньку просыпался.

На крышу сарая выбралась старшая дочь и принялась натягивать веревки между торчащими из бетона прутами арматуры. Потом высыпали дети помельче и быстро развесили на них сушиться свои футболки и шорты.

Без кофе оставаться здесь было совершенно бессмысленно, поэтому Аля собралась, вовремя вспомнила про санскрин и пудру, надела сумку через плечо и поехала к водопадам.

Мексиканские дороги были ужасны – вроде бы водитель маленького белого микроавтобуса, набравший группу туристов на главной площади Паленке, вел неплохо, но трясло немилосердно. Читать не получалось – укачивало.

Приходилось смотреть по сторонам: на пролетающие мимо ярко-зеленые поля кукурузы, на до крайности бедные магазинчики с написанными от руки вывесками, на темную пыльную зелень на обочине, которая должна бы носить гордое звание джунглей, но выглядит для них слишком обыденно. Если не обращать внимания на торчащие то тут, то там нахальные листья пальм, может показаться, что они где-то в средней полосе России. Даже лезущие прямо под колеса

мелкие сиреневые и желтые цветочки совершенно такие же.

Впечатление смазывалось периодическими остановками из-за «лежачих пешеходов», устроенных у подъезда к каждому мелкому поселку или даже отдельному небольшому ранчо у дороги. Кое-какие были вообще самодельными, из мешков с песком.

Возле них дежурили мелкие смуглые дети – они натягивали поперек трассы веревку с навязанными на нее клочками ткани, и когда машина притормаживала, облепляли окна, предлагая яркие сувениры, местные сладости и кокосовую воду в полиэтиленовых пакетах с трубочками.

Водопады оказались ошеломительными.

Один был невероятно высоким: вода падала с острого края скалы, разбивалась о камни, и в воздухе парила водяная взвесь. Дышать в ней было тяжело, словно под водой. Но сила и красота доводили до головокружения – оторваться было невозможно.

Кто-то лез купаться, кто-то шел смотреть на водопад с изнанки, Аля же только стискивала тонкими пальцами ремешок сумки и не могла поверить, что это по-настоящему.

Слишком много одному человеку такой красоты.

Второй водопад был поспокойнее: несколько низких широких каскадов, по которым вода разливалась белоснежными пенными кружевами. Солнце искрилось в воде, добавляя россыпи драгоценностей к белому свадебному платью реки.

Вокруг была устроена шумная и суетная зона отдыха. Для

детей перегородили участок реки с течением помедленней, взрослые возились прямо под струями очередного каскада.

Со всех сторон предлагали купить сумки, футболки, обсидиановые зеркала, через которые можно смотреть прямо на солнце, нарезанные ломтиками фрукты, орчату и мичелладу; зазывали в ресторанчики, предлагали такси и услуги гидов.

Аля смотрела на эту суету отстраненно и строго. Как это вообще в природе человека: увидеть что-то волшебное, слишком прекрасное, чтобы пережить это, и тут же освоить, превратить в предмет быта. Мыться под сверкающими водопадами как под душем, продавать хот-доги рядом с тысячетлетними деревьями, а увидев гору – непременно туда лезть, оставляя по пути следы своей жизнедеятельности.

Но день был жарким, до отъезда оставалось полтора часа, и купальник у нее с собой... Она не выдержала и сдалась, тоже залезла в сверкающую прохладную воду, присоединившись к роду человеческому в его стремлении все упростить.

Даже купила потом холодную мичелладу – коктейль с пивом, соусом чили, лаймом и сельдереем – и горячий тако, потому что после купания была невероятно голодной.

День получился насыщенным: по пути обратно в маршрутке она познакомилась с двумя итальянцами, которые тоже прилетели в Паленке, чтобы посмотреть на древние города майя Яшчилан и Бонампак, куда из других туристических мест добираться было бы слишком далеко. Ребята были

смешливые и флиртовали как дышали – Аля даже поймала за хвост легкое сожаление, что не нарядилась с утра как полагается и не надела полупрозрачный белый сарафан с мака-ми. Но они договорились вместе поехать на руины, а до этого сходить в местные ночные клубы, куда одна она бы ни за что не сунулась, так что шанс блеснуть у нее еще оставался.

Обратная дорога за болтовней показалась намного легче, и по крутым улочкам к своим апартаментам Аля шла, улыбаясь. Ну вот, все же нормально в итоге складывается, и чего расстраивалась?

Ей показалось, что в окнах ее второго этажа кто-то мелькнул. Она остановилась, всматриваясь, но больше движения не повторилось. Может быть, хозяйка заходила забрать с балкона остатки выстиранных вещей? Надо было бы спросить у кого-нибудь, можно ли воспользоваться хозяйской стиральной машиной, но из старших в доме были только две голенастые девицы лет двенадцати, которые на английскую речь сверкнули черными глазами и унеслись, махнув хвостом, как дикие лошади.

Аля вздохнула. В следующий раз надо будет... а впрочем, какой следующий раз? Вряд ли она вернется в этот город. Просто надо написать длинный отзыв на сайте и предостеречь других отчаянных безумцев.

Она поднялась к себе и сразу отправилась в душ.

5.

Вентилятор только зря гонял густой как теплое молоко воздух, нисколько не охлаждая комнату. Аля распахнула окна и только так почувствовала парочку прохладных струек сквозняка, блаженным бальзамом растекшихся по горячей коже.

Легла, укрывшись одной простыней, но под ней тут же стало жарко. Скинула и ее, позволив воздуху гладить тело.

В темноте было слышно, как на улицах перекрикиваются гуляющие за полночь дети, смеются девушки, обсуждают свои дела мужчины. И шаги – на соседней улице, а кажется, что прямо под окнами.

Ночью звуки разносятся далеко, даже в крупном городе, а уж в такой деревне и подавно. Аля давно перестала вздрагивать от кашля на первом этаже – а чудилось, что тут, за дверью.

Снова шаги, уже ближе, скрип петель, стук ударившихся об пол пяток.

Успела еще подумать, что это тоже прозвучало будто бы в ее комнате.

Жесткие ладони легли на ее бедра, упругое горячее тело, пахнущее перцем и лаймом, сразу накрыло сверху, а жесткие губы заняли ее рот, лучше всякого кляпа запрещающая кричать.

Несмотря на огонь его тела, Але не стало жарче, он был как горячий чай в зной— только выравнивал температуру внутри и снаружи.

Ей не нужно было видеть лица, мелькнувшего в отблесках света из окна, чтобы понять, чьи руки сейчас жадно и голодно гладят ее тело, чуть нетерпеливо, но уверенно.

У него была шершавая, словно немного пыльная кожа, и ее — нежная и белая — словно стиралась об нее. После душа она как всегда намазалась кремом, тоником, сладким мистом с запахом малины. Как будто готовилась к его приходу. И он был первый в ее жизни мужчина, который все это оценил, в отличие от избалованных столичных интеллектуалов, с которыми она обычно ложилась в постель. Они кривились, если замечали лишний волосок, пятнышко и любое другое несовершенство, но заявляли, что женщины делают это все для себя, их бы устроила и естественная красота. Конечно, без волос на ногах и лучше с запахом ванили.

Они вообще слишком много говорили в постели, и в основном о себе.

Этот молчал, говорили за него руки. Они ласкали ее так, что она понимала восхищение мягкостью и гладкостью своей кожи, податливостью упругой груди, сладостью, которую его губы собирали с нее.

Он с явным наслаждением слизывал с нее малиновый вкус, и она поняла, зачем на самом деле нужны были эти разноцветные блестящие флаконы и коробочки.

Ради сегодняшнего дня.

Ловкие руки с сильными пальцами легли на ее колени, с усилием раздвигая их.

В последнюю секунду Аля очнулась – всколыхнулся то ли стыд, то ли разум: что я делаю? С кем? Зачем?

Но голоса, чтобы возразить, не было. Была тишина, нарушаемая только шелестом кожи о кожу, резкими вздохами и влажными звуками, возникшими, когда он все же развел ее колени, склонился, пальцами раздвигая упругие складочки между ног, и его язык с тем же наслаждением, что раньше вылизывал мист с ее кожи, слизнул собственный ее сок.

Еще – и еще. С каждым движением она текла все сильнее, приподнимала бедра навстречу, выгибалась дрожащей дугой.

Желание... хуже – похоть! – разгоралось все ярче и ярче. Между ног был полный потоп, там все хлюпало, бесстыдно заливая простыни под ней томно пахнущей влагой.

Ее пальцы путались в его жестких волосах, она сжимала их в горсти, наверняка причиняя ему боль, но он не говорил ни слова. Более того, она ощущала, что ему это невероятным образом нравится – как признак ее несдержанности, причина которой – то, что он творит своими пальцами, языком и губами у нее между ног. Бедрями она обнимала его, стискивала шею, а он сжимал их пальцами в самые острые моменты и не давал ей убежать от резких, колючих ласк его непристойно умелого языка.

Кончая, она тоже не издала ни стона, только шелестяще всхлипнула, в унисон с собственным хлюпаньем. В момент оргазма из нее вылилось совсем уж невероятно много влаги, бедра стали мокрые с внутренней стороны почти до колен, простыни под задницей промокли насквозь.

6.

Парень завозился где-то там, в темноте, стаскивая штаны. Он пришел босым и без футболки, все, что ему было нужно, – было либо с собой, либо в этой комнате.

Между ног у Али снова нарастал требовательный зуд. Хотелось продолжения, хотя обычно ей хватало одного оргазма на неделю и больше, все сверх того только раздражало. Но сейчас было иначе – она только распалилась.

Руки вновь с усилием раздвинули ее колени, горячее тело навалилось сверху и туда, где было самое влажное местечко, ткнулось что-то упругое и твердое.

Стоп, презервативы!

Аля завозилась, попыталась оттолкнуть его, но он надавил сильнее, почти проникая внутрь. Она дернулась, выворачиваясь из-под горячего тела, но парень оскалился и сгреб ее руки, заломил за спину, переворачивая на живот.

Она ткнулась лицом в подушку, замычала: «Нооооооооо!» – судорожно вспоминая слово «презервативы» на всех известных языках, но он больше не слушал.

Одной рукой сжал завернутые на спину запястья, другой вздернул ее бедра выше и коленом раздвинул шире. Пальцами раздвинул складки, открывая вход, и скользнул в ее увлажненное лоно быстро и сразу на всю длину. Неожиданно немаленькую, так что, несмотря на обильную смазку, уже начинающую подсыхать на бедрах, у Али перехватило дыхание от того, как глубоко и полно он проник в нее.

Сразу начал двигаться, чувствительно тычась в шейку матки. Аля пыталась отодвигаться, но жесткая рука все время возвращала ее на место и фиксировала, чтобы не дергалась. Крепкие смуглые бедра с оттяжкой шлепали ее по заднице, с не менее непристойным звуком, чем предыдущее хлюпанье.

Кровать раскачивалась, ритмично стучась спинкой о стену, и Але вдруг пришло в голову, что, пожалуй, весь дом это слышит и догадывается, что здесь сейчас происходит.

Смущение и стыд залили ее кожу горячей волной, неожиданно подогревая почти свернувшееся возбуждение. Постепенно неприятные и почти болезненные ощущения от слишком глубоко входящего члена начали перерождаться во что-то, похожее на удовольствие, почти вопреки ее желанию. Он все еще был чересчур глубоко, но недостаточно быстро. Она закусила губу и сама подалась навстречу движению бедер, провоцируя ускорить ритм, и была полностью понята и одобрена.

Парень сильно надавил ей на поясницу, заставляя вжаться

грудью во влажные простыни, а задницу задрать еще выше, его член жестко протаранил задний свод влагалища, вдруг разом задев все чувствительные точки, а напоследок еще растянув его так, как не растягивал еще никто. Это оказалось чересчур: Аля уткнулась лицом в подушку, чтобы не заорать в голос, но все оказалось еще хуже – она вдруг кончила. Резко, дрожа сначала мелкой дрожью, но потом волны судорог становились все крупнее и крупнее, и под конец ее уже подбрасывало как одержимую, выворачивало суставы и выкручивало в немыслимые позы.

Парень, тоже не ожидавший такой реакции, даже выпустил ее запястья, зашипел что-то на испанском и резко выдернул член, изливаясь ей на спину. Пять или шесть горячих россыпей капель оросили ее задницу, стекли в ложбинку между ягодиц, пока Аля, вцепившись пальцами в простыни, пыталась совладать с собственным телом, так неожиданно отозвавшимся на совершенно чужое мужское. Тот сам тяжело дышал, стоя на коленях за ней, тоже переживая один из самых сильных оргазмов в своей жизни.

Потом он соскочил с кровати, мгновенно натянул штаны и ловко выбрался в то же окно, через которое попал сюда. Аля с трудом повернула голову и на миг увидела его стройный силуэт на фоне светлеющего неба.

Кожу неприятно стягивало от всех жидкостей, пролившихся и вылившихся из нее и на нее, но ощущение растянутости и наполненности не оставляло, погружая в темное, тя-

гучее удовлетворение и какую-то глобальную сытость. Она кое-как обтерлась простыней, не доверяя способности своих ног донести ее сейчас до ванной, сложила ладони между коленей и заснула быстро и сладко.

7.

Утром, уже свежая после бодрящего холодного душа, тщательно отмытая, до скрипа, до красноты, и так же тщательно умащенная бальзамами и маслами, покрашенная до состояния «естественная красота, но намного лучше», пахнущая молочком с миндалем и шампунем с флердоранжем, Аля выпорхнула со своего второго этажа на хозяйскую кухню. Там, по обычаю Латинской Америки, очень плотно завтракало все немаленькое семейство, живущее в этом доме.

– Buenos días, – поздоровались с ней сначала взрослые, а потом, нестройно, малышня. Зато уж они-то от души, и несколько раз повторили, а под конец еще и пропели. Очень уж забавным им казалось желать доброго утра этой странной чужачке.

Она ответила им таким же пожеланием на английском и в очередной раз передумала спрашивать про стиралку. Почему-то было неловко при всех, словно она собиралась в подробностях пересказывать при детях, зачем ей нужно срочно постирать простыни.

Старший сын сидел по правую руку от отца.

Аля была в солнечных очках, и сквозь темные стекла могла, без того чтобы выдать себя, наблюдать, как жадно он ее рассматривает, буквально поедает глазами: и летящую длинную юбку, и обтягивающий топик, оставляющий плечи открытыми, и грудь под достаточно плотным спортивным бюстгальтером, который не позволял выделяться соскам, даже если они напряглись до боли под этим взглядом. И шею, где после вчерашнего остались ало-сиреневые засосы, замаскированные с помощью богатого арсенала косметики.

Отец семейства что-то многословно спросил по-испански, Аля привычно пожала плечами: «No hablo español», виновато улыбнулась и прошла через комнату к двери, чувствуя, как впивается в спину огненный взгляд.

В маленьких провинциальных городах есть свои плюсы и минусы.

Минусы – все очень наивно.

Плюсы – все очень дешево.

Аля чувствовала себя сорокой.

Ее оставили совершенно равнодушной сдержанные цвета действительно стильных кожаных сумок, кошельков и туфель. Она прошла мимо лотков с мексиканскими сладостями – запакованные брикетки странных оттенков и кульки с разнокалиберными чипсами из картошки и бананов не вызвали у нее энтузиазма.

Зато на сверкающие камушки и украшения она сделала стойку издалека.

Авторское, ручной работы, серебро стоило здесь непристойно дешево. Аля спрашивала цену, удивлялась и на всякий случай потом несколько раз уточняла, что это в песо, не в долларах, которые здесь ходили наравне с местной валютой.

Увы, цена компенсировалась жутким дизайном в духе ширпотреба позднего СССР. Но если не отчаиваться и как следует покопаться, можно было найти совершенно удивительные, не похожие ни на что вещи.

Колец Аля накупила на пару лет вперед. От браслетов приходилось оттаскивать саму себя за волосы: они раздражающе клацали об край столе при работе на ноуте, а носить их только на выход было как-то расточительно. Серьги, подвески, слишком роскошные для нее ожерелья: у нее и платьев таких нет, к которым бы они подошли, – но все равно не удержалась.

Оставила в сувенирных рядах гораздо меньше денег, чем за один заход на ярмарку мастеров дома, но все равно выходила оттуда, встряхивая головой, как после заплыва в море.

Остановилась перекусить кусочком пиццы под неумолчный гомон каких-то птиц. Орали они так, что даже местные общались с продавцами жестами, но никто не жаловался, и все спокойно останавливались поесть той же пиццы, мороженого или выпить пива под деревом, где те расселись. У Али же за пять минут разболелась голова, и она поспешила подальше от площади.

Центр Паленке был похож на все маленькие города южной Европы одновременно – немного неопрятные, расслабленные, без этой вечной северной озабоченности сохранением тепла в доме. Поэтому стекла в окнах здесь встречались существенно реже, чем решетки: охранять имущество от воров было актуальнее, чем от непогоды.

Аля еще помнила, как поразила ее колючая проволока на стенах, окружающих дома, в одном из самых приличных районов Мехико. Она привыкла считать, что окраинная Москва не самое безопасное место в мире, но даже в ее доме не у всех живущих на первом этаже были решетки на окнах. Здесь же в доме могло не быть входной двери, только легкая занавеска на ее месте – и решетка.

8.

В такую жару карабкаться по крутым улицам города было как-то совсем лень, приходилось делать привалы. На полпути Аля заглянула в аптеку, в которой по американским традициям продавалось все что угодно – даже лекарства, целый один стенд в темном углу.

Там же готовили кофе с собой – по умолчанию со льдом, так что пришлось потратить некоторое время, чтобы убедить продавца, что Аля хочет именно нормальный, горячий латте.

Жара под сорок, крутая горка, ударная доза кофеина – неудивительно, что сердце колотилось как безумное, и вовсе

ни при чем был ее ночной любовник, внезапно перегородивший ей вход на лестницу вне поля зрения семейства, которое в этот раз, ради разнообразия, смотрело по телевизору не викторину, а выступление какого-то проповедника. А, ну да, воскресенье же, а они люди набожные.

«Это ведь не грех – секс по воскресеньям?» – подумала Аля, стоя напротив черноглазого и глядя на него снизу вверх. Молчаливое напряжение между ними все росло – и не было ни одного общего языка, чтобы объясниться.

Кроме невербального.

Он вдруг шагнул на ступеньку ниже, ухватил ее за подбородок пальцами и засунул язык ей в рот – по-хозяйски, словно и не предполагалось, что она может отказаться.

Поцелуй длился всего несколько секунд, но Аля непроизвольно сжала бедра под широкой юбкой, а на его свободных штанах обозначился бугор.

Так же внезапно он оттолкнул ее и вылетел из дома, не слушая оклики родных.

Аля поднялась по лестнице и тщательно заперла дверь, пытаясь успокоить дыхание и сердцебиение. Долго ходила по комнате, курила, смотрела на горы и все никак не могла собрать в кучу сумбурные мысли. Такой стремительный и бездумный секс случался с ней всего однажды – после расставания с мужчиной, которого она считала любовью всей своей жизни. И тоже в отпуске, в Римини. И так же не было толком общего языка – два десятка слов на английском и абсо-

лютное понимание, чем закончится вечер в баре с красивым итальянцем. Этим он и закончился. После долгой бессонной ночи он вышел с утра за кофе, вернулся со стаканчиком лучшего капучино в ее жизни и алой розой. Поцеловал на прощание и ушел уже навсегда.

Но та ночь полностью исцелила ее разбитое сердце, каким-то загадочным образом вернув веру в мужчин и надежду на чудо. И подарив любовь к кофе.

Может быть, и этот мальчик нужен был ей для чего-то?

Ложась спать, Аля тем не менее проверила все щеколды и закрыла не только решетки, но и ставни на окнах.

Долго не могла заснуть, маясь от жары и духоты. Между ног ныло и вспышками накатывали воспоминания о вчерашней ночи. Подушки под головой нагревались мгновенно, как бы она ни вертела их, надеясь, что из четырех сторон хоть одна окажется прохладной. Высохшая за день простыня пропитывалась потом и комкалась, едва уловимый запах вчерашнего секса от нее не давал успокоиться.

Аля не выдержала, встала, ушла в душ и там, включив холодную воду, брызги которой чуть-чуть облегчали ситуацию, ласкала себя пальцами. Прямо стоя, откинувшись на стену и уперевшись ногой в противоположную. Несмотря на то что оргазм получился слабым и каким-то смазанным, она наконец смогла заснуть.

Проснулась спустя пару часов от скрябання по ставням. Кто-то пытался поддеть их и распахнуть, но это было беспо-

лезно. Да и бессмысленно – еще была решетка.

Аля лежала в темноте и молча слушала эти звуки.

Сердце сжималось от страха и еще немного от сожаления. Но продолжение было бы лишним, и она надеялась, что взломщик поймет намек.

Он сдался далеко не сразу. А сдавшись – уходя гулко ударил кулаком в стену. Громко, так, что даже на первом этаже перестали храпеть. Если бы Аля до сих пор спала – проснулась бы.

9.

Утром в кухне его не было – место рядом с отцом пустовало. Дети поздоровались с Алей без напоминаний, она тоже откликнулась по-испански, вызвав улыбку гордости у хозяев дома, будто это они научили ее говорить два простых слова.

Облегчение и разочарование смешивались в ее душе в равных пропорциях.

Неужели отступился?

Ну и слава богу.

Мало ли, какие еще неприятности могла принести эта связь.

Впрочем, долго гадать, отступился или затаился, у Али не было возможности. Всего семь дней ей быть здесь, и два уже прошло. Второго шанса посмотреть на эти руины у нее не будет уже никогда. Мир слишком велик, а жизнь слишком

коротка, чтобы возвращаться в этот город еще раз. Ей и так пришлось выкинуть из маршрута слишком много интересного.

По пути к автобусам до руин Паленке – бывшего города майя возрастом более тысячи лет – Аля пыталась высвистеть в мессенджере давешних итальянцев: пусть составят ей компанию, как обещали. Но они умудрились накануне где-то напиться и теперь страдали от похмелья. Пирамиды, водопады и древние культуры этим утром их интересовали, примерно как теоретическая физика декоративную болонку.

Пришлось ехать одной. С перепугу она уже начала понимать испанские числительные и все равно приставала к водителю, чтобы лишний раз уточнить про время и место встречи. Не хотелось остаться посреди джунглей совершенно одной и без знания языка.

Итальянцы божились, что спасут ее, если что, обещали в качестве компенсации еще разок свозить искупаться на водопады и тут же, без перехода, соблазняли пойти вечером потанцевать и выпить.

За взаимным, на троих, флиртом Аля забывала смотреть по сторонам и даже чуть-чуть жалела, что автобус доехал так быстро. Прерывать болтовню не хотелось, но она по опыту знала, что в глубине джунглей ее туристическая симка бесполезно теряет сеть, и это к лучшему: хоть не будет отвлекаться от храмов и пирамид на то, чтобы проверить соцсети. С итальянцами договорились встретиться вечером в том ба-

ре, где они зависали вчера.

Руины Паленке оказались на удивление хорошо организованными, без преувеличения лучшими из всех развалин, где она уже успела побывать. Тропинка вела от одного храма к другому, заросшие ступеньки ложились под ноги, на поясняющих табличках были даже надписи на английском, а этим мог похвастаться не каждый мексиканский музей.

Местные храмы выглядели бледно после пирамиды Солнца в Теотиуакане, одной из самых высоких в мире, куда Аля карабкалась, проклиная все на свете: и свое любопытство, и яркое утреннее солнце, и чертовых индейцев, которых хлебом не корми – дай сделать где-нибудь ступеньки; и все приметы и суеверия, которые утверждали, что на вершине добравшихся ждет прощение всех грехов; и человеческую натуру, что жить не может без преодоления, даже если награда за него – селфи собственной потной красной морды с пирамидой Луны на фоне.

И все.

Все.

Когда-то на вершине был алтарь, но разрушили его задолго до археологов. Возможно даже ацтеки, которые и придумали этой пирамиде ее имя, а месту, где она стоит, романтическое название «там, где люди стали богами».

Богиней Аля не стала. Только спустилась на дрожащих от напряжения ногах к подножию и долго курила в тени, наблюдая, как высовывает из земли морду огромный коричне-

вый крот, долго нюхает воздух и ныряет обратно, чтобы вылезти через два метра и повторить.

Поведение его выглядело куда более осмысленным, чем у бесконечной череды туристов, которые лезли и лезли на эту пирамиду Солнца, и конца им не было.

Правда, с тех пор каждая следующая пирамида была жалким подобием той главной, и покорить их было уже делом чести. Ну как же, на двухсотфутовую залезла, а эти пропустит?

Иногда от главного пути ответвлялись дорожки куда-то в глубину. Большинство туристов торопились увидеть как можно больше достопримечательностей пожирнее, из тех, о которых пишут в Википедии: храм Надписей, храм Креста, дворец – и быстро пробегали мимо, торопясь посмотреть на поле для игры в мяч и купить сувениры. Аля сворачивала в каждое ответвление и вновь принималась считать ступеньки вверх, хотя от духоты и усталости перед глазами ужеплыли круги.

Зато на верхней площадке можно было положить ладонь на вырезанное изображение воина и почувствовать толкающийся из камня в кожу, в мышцы, в сосуды ритм, услышать крики, стихшие столетия назад, и увидеть текущую вниз по ступеням кровь.

В первый раз в жизни, касаясь древних камней, она не жалела, что не может увидеть проводимые тут ритуалы в реальности.

В такой реальности присутствовать не хотелось.

На фресках и барельефах одни воины с жестокими лицами приносили в жертву других воинов с жестокими лицами, вырывали их сердца, отрубали головы и лили кровь на алтари богов дождя и солнца. Иногда, для разнообразия, на этих фресках одни воины просто, без затей, убивали других воинов. Или приносили в жертву богам самих себя – что было доблестью и высшей честью.

Это была совершенно чужая, даже чуждая культура, совсем инопланетная. Жестокая, жесткая, регламентированная до последнего вздоха.

Уходя из парка, Аля умылась в крошечной речке, чуть ниже по течению низвергавшейся водопадом с высокой скалы. А потом подвернула ногу, спускаясь с этой скалы по влажным деревянным ступенькам.

Все-таки древние боги отомстили ей за непочтительные мысли.

Хорошо, что до стоянки оставалось меньше полукилометра, и она успела доковылять к назначенному времени, хоть и самой последней. На этот раз незнание испанского позволяло ей безмятежно пялиться в окно, пока водитель проклинал тупоголовость белых туристов.

Впрочем, может быть, он просто рассказывал всему автобусу приснившийся накануне сон.

После такого приключения самое время было начинать приобщаться к местной алкогольной культуре. Вторую неде-

лю в стране, а до сих пор не пробовала текилы, куда это годится? Да и природное обезболивающее лишним не будет: нога болела уже меньше, но проклятые ступеньки на второй этаж Алю окончательно подкосили, и она упала лицом в подушку, пообещав себе начать собираться в бар, как только зайдет солнце. Мессенджер что-то вякал, но телефон лежал чуть дальше вытянутой руки и ползти за ним было лень.

10.

Для трех главных пунктов своего путешествия Аля уложила в чемодан три отдельных набора вещей.

Свитера и джинсы для прохладной погоды зимнего Мехико, трекинговые сандалии, шорты и длинные юбки для путешествий в окрестностях Паленке и короткие яркие платья, купальники и туфли на каблуках для тусовочной Плайи-дель-Кармен.

Даже наборы косметики слегка отличались: в Мехико было хорошо видно, чем дышишь, и поэтому можно было пренебречь санскрином, а для боевой клубной раскраски Аля упаковала отдельную косметичку, где одних только блесток было полтора десятка разных видов.

Пока она спала, Фабио и Энцо валяли дурака и наперегонки присылали ей селфи, на которых было хорошо видно их темные кудри, чувственные губы, идеально накачанные руки, плоские смуглые животы с четко очерченными мыш-

цами – и хотя ниже все было не в фокусе, было понятно, что и там есть, на что посмотреть.

Никакая лень и ноющая нога не могли быть оправданием – в бар надо идти!

Так что третий набор вещей был распакован досрочно.

До места встречи Аля добралась намного раньше итальянцев.

Те на полпути вдруг свернули срочно поужинать, но клялись, что они быстренько. Оставалось только надеяться, что это будет настоящее «быстренько», а не итальянское, с которым она уже была знакома по одному из прошлых отпусков.

Потому что в баре сразу стала понятна острая неуместность ее наряда: облегающего блестящего платья, босоножек на высокой платформе, довольно удачно стягивающих широкими ремешками лодыжку, так что можно даже попробовать потанцевать, и яркого макияжа. На него, вместе с уходом, Аля угрожала добрых полтора часа и очень гордилась тем, как удачно легли стрелки и как заострились скулы от темно-красных сверкающих сердечек, которыми она дополнила образ.

Получилось сногшибательно.

Но если бы она приехала в таком виде на сельскую дискотеку где-нибудь в глухом Подмоскowie, и то вписалась бы лучше.

Маленький бар на крыше трехэтажного здания, с гремющей на половину города музыкой, с облупленными высоки-

ми стульями у фанерной стойки, дешевыми аналогами «Кока-колы» и «Спрайта» в коктейлях и новогодними гирляндами в роли светомузыки, был наполовину заполнен скупающими туристами в тех самых трекинговых сандалиях и шортах, в которых они днем шлялись по руинам, а на вторую половину – местными смуглыми коренастыми работягами. Девушек было мало, все пришли с мужчинами и тоже предпочли непритязательные джинсы и кроссовки.

Аля сразу заказала две текилы: на трезвую голову она слишком остро чувствовала все липкие, удивленные, неприязненные и слишком внимательные взгляды. Проверила мессенджер – он был переполнен клятвами вот-вот-вот практически уже немедленно добраться наконец до бара. Вздохнула и опрокинула первый шот. В отличие от московских клубов, где текилу пьют в классическом варианте: «лизни-опрокинь-кусни», иногда слизывая соль с живота девушек, а закусывая лаймом из их губ, – здесь не выпендривались. Кто-то пил ее в коктейлях, местные – чистой и маленькими глотками, остальные окунали ломтик лайма в соль и так закусывали без всяких ритуалов.

Местная текила показалась ей вкуснее и ярче той, что она пила раньше. Но, может, просто показалась: здесь, в вязкой духоте, среди непривычных запахов и вещей, все чувствовалось немного иначе, словно сам воздух страны был особой, остро-кислой приправой ко всем блюдам и впечатлениям.

После третьего шота вдруг словно лопнул мутный пузырь

вокруг головы, и музыка зазвучала громче, цвета стали ярче, а люди вокруг дружелюбнее. И вовсе они не пялились на нее с неясными намерениями, а восхищались ее смелостью и красотой. И чего она дергалась?

После четвертого в глазах начало прыгать, а странная, незнакомая музыка позвала танцевать. Лодыжка мягко напомнила о себе, но Аля пообещала ей не увлекаться, и та успокоилась, словно и правда поверила. Мессенджер молчал, последнее, что написали итальянцы, – что они уже пьют кофе и выдвигаются. Как раз можно успеть разогреть публику на танцполе, а то эти колонизаторы в пробковых шлемах топтались, как на вечере «Кому за 60».

Туристы с радостью подхватывали за Алей ритм, но стоило попасть им в руки, они все неизбежно начинали танцевать то ли сальсу, то ли бачату, то ли некую усредненную латину, подхваченную из голливудских фильмов.

Местные были повеселее – но тоже не относились к народам, у которых ритм в крови. Возможно, стук ритуальных барабанов им бы понравился больше, но такого тут не ставили.

Вечную классику – «ламбаду» и «макарену» – сменили мировые хиты прошлого лета, их – какие-то незнакомые Але местные песни, более медленные и мелодичные. И этим сразу воспользовался один из местных. Он сразу положил Але руку на талию и притиснул к себе так плотно, что она без всяких вербальных комплиментов поняла, что ему очень по

вкусу пришлось ее короткое платье. На следующий танец ее перехватил еще один местный парень. Она с трудом отличала их друг от друга – невысоких, едва выше ее ростом, коренастых, с широкими лицами и унаследованным от индейцев чуть-чуть высокомерным и презрительным выражением лица. Этого не могла исправить даже улыбка.

После четвертого танца и четвертого подряд кавалера, Аля покачнулась: кажется, пора было передохнуть. Она добралась к своему месту за стойкой – там обнаружился еще один шот текилы, который она тут же опрокинула в себя. И ее телефон. Оказывается, она оставила его тут, отправляясь танцевать, и он мирно ее дождался. Все-таки зря наговаривают на местный криминалитет.

В окошке мессенджера мигало два десятка сообщений от бедовых Фабио и Энцо, которые многословно и витиевато извинялись перед ней за то, что опять не удержались и выпили прямо за ужином. А там по второй, по третьей... И, кажется, они уже никуда не дойдут.

Аля вздохнула и приняла волевое и взрослое решение дальше судьбу не испытывать и прямо сейчас отправиться домой. Все-таки одинокая девушка в баре и девушка с двумя друзьями – два совершенно разных формата. Она вообще-то рассчитывала на второй, а к последствиям первого готова не была.

Но когда она вышла на улицу, стало понятно, что последствия уже наступили.

11.

Аля узнала своего первого сегодняшнего партнера – того, кто прижимал сильнее всех и терся наглее. Он стоял впереди, а за ним толпилось еще пять или шесть таких же молодых, смуглых и наглых. Чем-то очень похожих друг на друга, и уж точно похожих взглядами – хищными и грязными, в которых настолько явно читалось, что они собираются сделать, что Аля как-то сразу, без борьбы, потеряла надежду.

Поврежденная лодыжка ныла, жалуясь, что никто не сдержал обещания ее побереечь. Можно было бы и наплевать, перетерпеть боль, но бежать в босоножках на каблуках было нереально, а расстегивать их дрожащими от страха и опьянения пальцами – слишком долго.

Аля безнадежно оглянулась по сторонам – она ведь так тщательно изучала печально известные районы Мехико, далеко обходила опасные места, всегда садилась в метро только в женские вагоны и уехала оттуда, ни разу даже не почуяв неприятности.

И расслабилась.

Зря.

Страх ударил в голову темной горячей волной, растекся горькой желчью по языку. Темные фигуры почти незаметно сдвинулись с мест, сужая кольцо. Над головой гремела музыка, придавая сцене нереальный, кинематографичный от-

тенок.

Напряжение звенело в воздухе, и Аля боялась моргнуть – любое движение могло сорвать с паузы этот застывший во времени момент, и тогда уже ничего не отыграть назад.

Со стороны улицы раздался резкий окрик.

Аля вздрогнула и съежилась, готовясь к худшему, но почему-то ничего не случилось. Наоборот – словно кто-то разжал кулак и натянутые струны угрозы провисли, теряя ярость и силу. Пригнувшиеся, как хищники перед атакой, парни повернули головы, стали перетаптываться на месте, а вожак так и вовсе потерял к Але интерес и пошел к тому, кто их окликнул.

Только в этот момент она тоже осмелилась пошевелиться и медленно повернула голову.

И с удивлением узнала того, кто шел к ним из темной узкой щели между домами. До сих пор она видела сына хозяйина, ее почти насильника, но и отменного любовника, только в окружении его семьи. Здесь, среди других мужчин, было заметно, насколько он отличается от них. Он был выше, стройнее, черты лица тоньше и строже.

И еще он был моложе. Или они выглядели старше своих лет?

Голос у него был властный, интонации резкие, слов она не поняла: говорили по-испански. Вожак огрызнулся – и получил в ответ длинную тираду. Аля даже не догадывалась, какие могли приводиться аргументы. Она поняла только, что

он как-то убедил их уйти. Ворча, огрызаясь, но разомкнуть круг, выпуская ее из, казалось, безнадежной ситуации, уйти и раствориться на темных улицах.

Она не успела облегченно выдохнуть, потому что в этот момент он сделал к ней шаг, грубо обхватил запястье и поволок за собой туда, откуда появился – в узкую щель между темными домами, куда не добивал свет фонарей с улицы.

Затащил на несколько метров вглубь, дернул к себе, развернул спиной и надавил на шею и поясницу, вынуждая прогнуться. Задрал платье, звякнула пряжка ремня, и он даже не стал снимать с нее трусики, просто отодвинул их в сторону и засадил ей с размаху, зашипев – она, понятное дело, была совсем сухая. Но то ли его запах всколыхнул воспоминания о позапрошлой ночи, то ли тело поспешило избежать травм, но дальше дело пошло легче.

Аля уперлась ладонями в шершавую стену, выгибаясь и раздвигая бедра – и не понимая, что происходит: то ли ее все-таки насилуют, то ли она сама благодарит спасителя, то ли отдается молодому любовнику, не получившему свое накануне.

Все было странно и даже чуть-чуть нереально – адреналин в крови переплавлялся из страха в страсть, внутри росла тревожно-зудящая волна, и Аля вдруг с удивлением поняла, что еще чуть-чуть, буквально несколько движений – и она, кажется, кончит.

Но он не дал. Буквально на секунду или две раньше, когда

внутри уже все сжималось, он резко оттолкнул ее, выходя, развернул лицом к себе и надавил на плечи, роняя на колени. Больно впился в кожу камушек, но она не посмела елозить, послушно открыла рот, и он засунул распухшую головку между ее губ. Она не успела даже их сомкнуть – почти сразу в горло выстрелили густые терпкие струи. Аля глотала, но по губам все равно стекало, а он стоял, откинув голову назад и явно наслаждаясь, и лицо у него было самодовольным и жестоким.

И красивым.

Аля впервые именно в этот момент подумала, что даже не знает его имени. Так странно.

Он вынул член из ее рта, напоследок обведя губы уже обмякшей головкой и убрал в джинсы. Аля с трудом поднялась, держась за стену. Снова звякнула пряжка ремня, и он опять крепко обхватил ее запястье, увлекая за собой. Вывел на свет и молча повел по улицам, не отпуская руки.

Медленно, потому что Аля спотыкалась на каждом шагу.

Они пришли к дому.

Он довел ее до лестницы на второй этаж, отпустил и не пошел за ней, остался снизу, проследив, как она поднимается.

Аля на дрожащих ногах добралась до плетеного кресла, скинула наконец босоножки и нащарила пачку сигарет на подоконнике. Закурила, перебивая дымом оставшийся во рту его привкус.

Сил раздеться и пойти в душ не было. Вместо этого она качалась, курила одну за другой и отстраненно размышляла, что все это значит.

Она теперь его девушка? Или что? Она ему обязана за спасение или уже расплатилась?

Кто он вообще – спаситель или насильник?

Все слишком путалось, не поддавалось логике, не помещалось в привычные ей схемы.

Больше всего хотелось, конечно, уехать, наплевав и на отпуск, и на деньги. Но когда она добралась до ноутбука и обшарила интернет, оказалось, что билетов на автобус нет до конца месяца, а на самолет они стоят совершенно безумных денег.

Деньги у Али были, но она подумала и решила, что не настолько все ужасно, чтобы вбрасывать полторы своих зарплаты в бегство.

Ничего же не случилось. Больше испугалась, чем пострадала.

Просто она будет ходить по городу только днем, ездить на экскурсии и запираться на ночь.

Всего-то четыре дня осталось.

12.

Перед сном Аля еще раз проверила все щеколды, заперла решетки на окнах и даже дверь спальни изнутри. Долго мы-

лась в душе под прохладной водой, наносила одно средство за другим, пока не стала пахнуть, как магазин «Lush», – за три квартала смесью всех возможных отдушек – а кожа не покрылась шелковой пленкой из масел и тоников. Каким-то странным образом это помогало чувствовать себя более защищенной. Не такой голой.

Но она все равно надела белье и длинную спальную футболку, несмотря на жару. Хотелось прикрыться, одеться. Лучше всего вообще подошла бы байковая пижама, но таких излишеств Аля с собой не брала. Да и сварилась бы в ней заживо.

От жары и нервов сон все не шел. Она лежала, глядя в темноту, почти не шевелясь, словно заклиная богов дремы, призывая их прийти и выполнить свои прямые обязанности. Хотелось курить, но она не потянулась даже за электронной сигаретой. Просто лежала и слушала, как постепенно затихает дом: все реже хрипло кукарекает петух, выключаются один за другим телевизоры, уже слышится чей-то храп, ритмично скрипит и тоже затихает диван, лениво гавкает собака, и звякает задвигаемый на ночь засов на двери.

Когда из всех звуков остался только храп, в окно тихо поскреблись.

Аля не пошевелилась, и даже ритм ее дыхания не изменился.

Поскреблись снова, на этот раз в дверь.

Она тихо улыбнулась в темноте. Никого нет. Никто не

ждет гостей.

Но улыбка сползла с ее лица, когда следующим звуком стал скрежет, и это был скрежет ключа.

Как она не подумала, что у хозяев наверняка есть запасные?

Это же разумно и логично!

Она вскочила с кровати, не зная, что собирается делать.

Прятаться? Куда – под кровать? В шкаф?

Но оставаться в постели и ждать она точно не собиралась.

Раздались шаги, замершие у двери спальни. Снова скрежетнул замок, отворилась и бесшумно закрылась дверь.

Темная фигура на секунду замерла на пороге и скользнула к ней.

Остановилась вплотную.

– Я буду кричать, – сказала Аля по-английски.

Он сделал последний шаг и притянул ее к себе, накрывая губами рот, обнимая двумя руками. Аля беспомощно дернула плечами, не зная, то ли отталкивать, то ли обнимать. Горячее его тело окутывало жаром даже через одежду. Он оторвался от ее губ, бросил быстрый пронзительный взгляд ей в глаза, мгновенно ошпаривший ее изнутри, и спустился ниже, целуя грудь прямо сквозь футболку, оставляя на ней мокрый след. Ухватил зубами сосок через ткань, сжал, царапая нежную плоть грубыми нитями мокрого хлопка, накрыл влажным ртом второй, оттягивая, заставляя его затвердеть.

Движения были резкими, но на удивление точными, по-

падающими в цель – острые иглы возбуждения разбегались по ее коже, кололи вздрагивающее тело.

Он задрал футболку выше, поцеловал Алю в живот, скользнув языком в ямку пупка, спустился еще ниже, встал на колени.

Теперь уже она смотрела на него сверху вниз и откидывала голову, когда его пальцы вжимали ткань белья между ног, потирая клитор короткими, чуть болезненными движениями.

Слишком сильные ощущения, слишком. Все слишком.

Он подцепил белые трусики, стягивая их с бедер. Освободил сначала одну ногу, потом вторую. Аля послушно переступила их и позволила ему лизнуть высокий свод ступни и поставила ее ему на плечо, откровенно раскрываясь перед ним.

Язык нырнул в уже текущую соками глубину, его губы накрыли ее между ног горячим и влажным.

Она судорожно и шелестяще выдохнула, смиряясь с происходящим.

13.

Почему она не сопротивлялась? Не сказала больше ни слова?

Черт знает.

Он пах лаймом и перцем, был потомком жестоких индейцев и сопротивляться ему она не могла. Он знал все о любви и войне.

Как присосаться к влажным складкам, как резким краем языка пройти так, что зайдет от острой сладости сердце, как воткнуть два пальца внутрь так, что задрожат и превратятся в желе ноги, как быстро и резко двигать ими, трахать жестко и жестоко, задевая ногтями нежные стенки, а языком делать так сладко и нежно – невыносимо! – что даже наплевать на то, как завтра будет саднить все внутри.

Как держать ее на краю, не давая ни расслабиться, ни взорваться, балансировать между удовольствием и болью, между внешним принуждением и внутренним подчинением, между отвержением и тягой. С каждым резким движением пальцев внутрь ее тела, с каждым касанием языка, Аля все лучше понимала тех, кто добровольно вырывал себе сердца, чтобы принести в жертву жестоким богам этих мест.

Она хотела оттолкнуть его, но одно мгновение на краю тянуло за собой следующее и следующее. Невозможно было отказаться. Еще секунда, еще, еще, только дай мне кончить, только дай хоть немного передохнуть – и я смогу.

Ее пальцы вновь сжимались в его жестких волосах, тянули, дергали раздраженно и зло, ногти царапали плечо, но он держал ее за бедра крепко и властно, не давая двинуться без разрешения, только управляя ею так ловко, словно точно знал, что она ощущает в тот или иной момент.

Аля не знала, что может кончить вот так – стоя, едва балансируя, насаженная на пальцы совершенно незнакомого ей мальчишки, едва придя в себя после угрозы изнасилования.

Но все это словно сделало ощущения острее и темнее, так что она покачнулась в тот момент, когда раскаленная волна плеснула от его языка вверх, растекаясь по всему телу жалящими уколами удовольствия. И упала бы, если бы он не подхватил ее разом обмякшее тело. Донес ее на руках до кровати, разложил, раздвинув влажные от ее смазки и его слюны бедра, стащил ее футболку и тут же приник к соскам, облизывая и покусывая с таким явным удовольствием, словно ему это нравилось не меньше, чем ей. Потом быстро стянул футболку и знакомо звякнувшие пряжкой джинсы.

Накрыл горячим телом, вошел и принялся двигаться неожиданно плавно и нежно. После жестокой пытки пальцами эта нежность настораживала, заставляла ждать подвоха. Но его все не было, только саднящее ощущение внутри вдруг оказалось нарастающим удовольствием и выгнуло ее позвоночник навстречу его твердому телу.

Аля вцепилась ногтями в его плечи – не специально, просто стараясь удержаться по эту сторону реальности, но это не помогло. Она вела царапины вниз по спине бесконечно долго – ей казалось, несколько минут – все не кончался и не кончался оргазм, грозил стать вечным ее состоянием сладкой выгибающей боли.

Он не останавливался, раскачивая ее своими движениями, пока она не выдохнула последнее удовольствие стоном ему в рот, – он целовал ее, нежно, сладко, присваивая себе.

Про презервативы никто уже не заговаривал, но он вновь

выдернулся из нее в последнюю секунду, сливая сперму на бедро и медленно, рвано выдыхая, опустил наконец свои наглые глаза. Свалился рядом с ее разгоряченным телом, закинул руку за голову и лежал, восстанавливая дыхание и слепоглядя в темный потолок, как она всего лишь час назад.

Аля, неожиданно для себя самой, придвинулась к нему, прижалась и провела кончиками пальцев по гладкой груди. Он поймал эти пальцы, поцеловал их.

Встал и начал одеваться.

Она приподнялась на локте, внезапно смутившись своей наготы под его быстрым острым взглядом, но почему-то так и не решилась натянуть скомканную простыню или укрыться ею.

– Как тебя зовут? – спросила она по-английски.

Он не обратил внимания, будто не услышал.

– Tu... te nombre... – попыталась сконструировать она ту же фразу на испанском, но он только хмыкнул.

Открыл дверь, вышел. Через секунду хлопнула входная дверь и снова раздался скрежет: он запер ее обратно за собой.

14.

Аля любила путешествовать.

Ей повезло с родителями: мама была журналисткой, отец специалистом в тяжелой металлургии, настолько востребо-

ванным профессионалом, что суровый кризис девяностых они заметить не успели. Сначала было немного страшно и непонятно, зато потом быстро открылось столько возможностей, что ее молодые родители напрочь пропустили первые несколько лет Алиной жизни, мотаясь по миру то в командировки, то на конференции, то просто так, от избытка энтузиазма, отправляясь в те места, где не бывает командировок и конференций.

Первый раз в путешествие Аля летела на самолете в Венецию. Ей было десять, она только что приехала из детского лагеря, где нашла тьму подружек, выучила два десятка похабных блатных песен и научилась краситься. В последний день их отряд даже пустили на дискотеку для «взрослых». Она обменялась телефонами с половиной лагеря, пообещала приехать на вторую смену – и была огорошена новостью, что не только лагерная администрация считает ее взрослой, родители тоже.

Поэтому в первый раз собираются взять ее с собой.

Они потом еще долго клялись, что в последний.

По мнению Али, каналы в Венеции были вонючими, очереди длинными, еда невкусной, мосты скучными, номер в отеле холодным, кораблики вместо автобусов – идиотскими, язык непонятным, а уж посиделки с рюмкой лимончелло по вечерам и вовсе не шли ни в какое сравнение с лагерными дискотеками!

К концу недели мама шипела, как надувной матрас с ды-

рочкой в боку, а папа утешал ее тем, что лет через пять Аля оценит и поймет. И вот тогда-то... Тогда-то, говорил папа, и глаза его мстительно сверкали, мы уедем в тур по городам Европы: Рим, Париж, Барселона, Прага, Будапешт, Таллинн... а ее отправим в лагерь, купив хоть пять мини-юбок и три полных набора косметики! Пусть танцует на своих дискотеках!

Папа, конечно, рисковал: в пятнадцать Аля запросто могла влюбиться и действительно предпочесть какого-нибудь прыщавого сверстника прогулкам по Монмартру и тем самым разбить родителям сердце еще раз.

Но она поумнела гораздо быстрее, этим же летом, приехав в свой обожаемый лагерь на третью смену. Все, абсолютно все, включая старшие отряды, приходили к ней после завтрака и перед ужином, только чтобы послушать еще историй про то, как разбегается и взлетает самолет, и в животе что-то проваливается и ухает, про то, как катаются на карусельке в аэропорту чемоданы, ожидая, пока их разберут, как черноглазые таксисты громко, долго и витиевато ругаются на своих коллег, как гулко бьются зеленые волны о темные камни причалов, про полосатые кофты гондольеров и их песни, про мужчин в смокингах и дам в длинных вечерних платьях, ожидающих катера на причалах у казино, про сонную одурь кладбища Сан-Микеле, где есть специальная часть, где похоронены только русские, и про зловещие маски чумных докторов в запыленных витринах крошечных лавочек.

Стремительная ее популярность укрепила Алю в уверенности, что путешествия – самая высшая жизненная ценность. Перед ней меркли и блестящие платья, привезенные подружками для дискотек, и ворох шоколадок в гостинцах от родителей, и настоящие роликовые коньки у парня из второго отряда, и даже уже отросшие сиськи у девчонок из первого. Ничего, вообще ничего так и не смогло перекрыть по крутизне эту ее поездку в Венецию в глазах солагерников. Даже слухи о том, что старшего вожатого застукали с одной из тех девчонок с уже отросшими сиськами, и были они оба голыми, отвлекли от Али внимание всего на полдня. Эка невидаль – секс! Он будет у всех. А Венеция...

Лагерь был от папиного металлургического завода и большинство детей туда отправляли, потому что со всеми субсидиями и гуманитарной помощью он стоил дешевле, чем кормить ребенка этот месяц дома. Дети там никогда даже не видели вблизи самолет – увидеть Венецию им не грозило примерно никогда.

Родители все-таки обиделись и потом брали ее с собой намного реже, чем могли бы, но Аля все равно увидела почти всю Европу и влюбилась в нее. В нее, и в сухой воздух салонов самолетов, безвкусную на высоте еду и тот момент, когда выходишь в новом городе и делаешь первый вдох, сразу понимая по привкусу воздуха, сойдется ли вы характерами с этим местом.

Повзрослев и начав жить самостоятельно, она распределя-

ла бюджет так: необходимый минимум на еду и коммунальные платежи, остальное на путешествия. Без родительской поддержки долгое время эти путешествия были в основном в пляжную Турцию и трехзвездочный Египет, но без хотя бы такого глотка воздуха чужих стран Аля жить уже не могла.

15.

Аля могла провести месяц в Европе с одним лишь городским рюкзаком. Она умела выбирать только самые необходимые вещи, упаковывать их так, чтобы они занимали как можно меньше места, и в принципе была способна обходиться минимумом: сменой белья и запасными джинсами.

Зато уж если она брала с собой свой огромный розовый чемодан, половину его объема занимали предметы роскоши, позволяющие чувствовать себя как дома в любой стране мира.

Обязательно – любимая подушка в шелковой наволочке, чтобы не путались волосы и не ломались кудри. Два халата – один потеплее и красивый, чтобы быстро накинуть при необходимости, а не втискиваться в джинсы, если постучали в дверь. Другой с открытой шеей, чтобы не испачкать, когда наносишь маски и кремы. Мощный фен – гостиничные вечно еле дуют. Елочная гирлянда на батарейках – удобно использовать как ночник, а на сдачу создает неповторимое ощущение уюта. Маленький утюг, складная вешалка,

домашняя чашка, нож и вилка и еще десяток мелочей, которые просто кочевали из чемодана в чемодан в специальной сумочке для путешествий.

Все это превращало чужие дома и номера отелей в уютную привычную норку, куда можно вернуться после прогулки и отдохнуть, не раздражаясь от неприятных мелочей.

Однажды она даже возила с собой кофеварку.

В этот раз для нее не хватило места, и Аля ужасно об этом жалела.

Проснувшись она в полдень, выползать из дома в адскую жару сил не было, а кофе хотелось. Ей нужна была ясная голова, чтобы подумать о будущем.

Непонятно было, что делать дальше.

Она разумная взрослая женщина. У нее карьера, большая квартира в центре, свой парикмахер, косметолог, психотерапевт. Она дает экспертные интервью по своим рабочим темам. Она знает, кому позвонить, если хочется выпить, поговорить, секса, нужна юридическая поддержка или надежный водитель. Ее жизнь – идеальное воплощение жизни успешной москвички тридцати лет.

Почему вдруг мексиканский мальчишка с охрененным членом и жестоким лицом так легко, походя, даже не замечая этого, разрушает всю ее уверенность в себе? Развеивает ее образ себя как человека, знающего, чего хочет? Давно, казалось бы, находящегося в гармонии со своим разумом и чувствами?

С тех пор как он впервые посмотрел на нее своим наглым темным взглядом, она не могла следовать ни одному принятому решению.

Ни сопротивляться, когда он делает с ней то, на что она не давала разрешения.

Ни настоять на предохранении несколько более надежном, чем вовремя вынуть.

Ни даже вызнать, как же, черт возьми, зовут ее случайного любовника!

То, что подсказывали логика, опыт и здравый смысл, ментально растворялось в остро-сладком тумане, стоило этому мальчику прикоснуться к ней.

Сладком – потому что такого секса у нее не было до сих пор ни с кем, а таких оргазмов – даже с самыми современными игрушками.

Остром – потому что ни о каком согласии, уважении или обсуждении «на берегу», к которым она давно привыкла в своей отлаженной жизни среди просвещенных людей, и речи не шло.

Все было так, словно не существовало последних ста лет и завоеванных женских прав, самостоятельности, самодостаточности. Мужчина просто приходил и брал ее, как ему было удобно и приятно. Ей удовольствие доставалось только потому, что ему это по какой-то причине нравилось.

Это было очень, очень странно.

Где бы Аля ни бывала, везде жили плюс-минус одинако-

во. Смотрели всей планетой одни и те же фильмы, читали одни и те же книги и брали пример с одних и тех же знаменитостей. Глобализация давно перемолола все уникальные культуры, оставив их в виде аттракционов для туристов, не больше.

Почему же в Мексике она почувствовала себя словно в другом мире?

Она курила одну за другой, множа окурки в чашке с водой на балконе и стики от IQOS на столе в гостиной, нервно металась по комнатам, не зная, чем занять разум, пока руки заняты сигаретами. Ей не хотелось думать о том, что с ней происходит, но и не думать не получалось.

Спасением стала, как ни смешно, косметика. Достав ворох пестрых пакетиков с масками, гору разноцветных баночек и тюбиков, Аля сначала тщательно очистила кожу, потом занялась увлажнением, сделала омолаживающий и лимфодренажный массаж лица, наложила питающую маску, походила в ней, сменила на успокаивающую – и где-то в этот момент поняла, что ее наконец отпускает.

Привычные рутинные процедуры заботы о себе, вложение в далекое будущее, удовольствие от прикосновений кончиками пальцев к лицу вновь возвращали ей контроль над своим телом и власть над жизнью.

И вместе с ними приходило понимание, что ничего ужасного, в сущности, не происходит.

Да, вот такое экзотическое сексуальное приключение. Не

совсем добровольное, но если бы Але предложили его в том виде, как сейчас, но заранее, она бы, скорее всего, согласилась. Может быть, поспорила насчет презервативов, конечно. И той встречи с его друзьями – но последующий быстрый секс в переулке ей тоже на самом деле понравился.

Может быть, она и правда «расслабилась и начала получать удовольствие», а накроет ее уже дома?

Увидим.

Дома будет психотерапевт и все достижения психофармакологической промышленности.

Справится.

До вечера, предзакатного часа, когда немного спадет жара, было еще далеко, но Аля уже запланировала поход за кофе, без которого начиналась ломка, и поиски какого-нибудь турагентства, которое отвезет ее в Яшчилан, очередной город майя почти на границе с Гватемалой, куда самостоятельно никак не добраться. До тех пор она просто убивала время.

Ходила по комнатам в своем розовом открытом халате и с очередной маской на лице, которая пахла имбирем и карамелью, смотрела какую-то ерунду на «Ютубе» и даже не запирала дверь, потому что ожидала своего наглого любовника не раньше ночи.

Поэтому, когда он вошел, его не остановил даже символический засов.

Как еще можно было это понять, если не как приглашение?

16.

Его мать на первом этаже готовила в огромных кастрюлях странно и остро пахнущую еду и переговаривалась через улицу с соседкой, отец смотрел громко орущий телевизор, его братья и сестры носились по дому, играя то ли в прятки, то ли в салочки, а он перегнул Алю через подлокотник кресла и не раздеваясь, лишь достав член, драл, закрыв ладонью ее рот в тот момент, когда она в первый раз ахнула.

Его не смущала ни бледно-бирюзовая маска из целебной глины размазанная по ее лицу, ни собранные в смешную гульку волосы, ни пушистые носки с резиновой подошвой, в которых она ходила по дому. Он сжал смуглыми пальцами ее грудь, мелькавшую в распахнутом вороте халата, задрал его и вогнал член, ни сказав ни слова, даже не поздоровавшись.

Тело уже приноровилось к его длине, но вчерашние развращения не прошли даром, и сегодня внутри все тянуло и щипало. Член будоражил микроранки внутри, и Аля выгибалась и ерзала от саднящих ощущений – неприятных, но придававших остроты глубоким толчкам. Дразнящее жгучее чувство заставляло ее прикусывать губы, пытаться сосредоточиться на предоргазменных простреливающих судорогах, но она никак не могла кончить, как ни старалась.

Мешала обстановка?

Слишком яркий свет, льющийся в огромные окна?

Орущий этот телевизор, опасения, что кто-то поднимется и застанет их так – ведь он так и не запер дверь? Хотя какая разница, запирай, не запирай – сквозь нее все равно все видно.

Может быть, этот навязчивый сладкий запах от ее собственной кожи, который мешал уловить возбуждающие ее перец и лайм?

Ему, впрочем, тоже что-то мешало. Спустя полчаса яростного быстрого секса они оба взмокли, его черные волосы прилипли ко лбу, пот катился градом, но никто так и не приблизился к разрядке, только Аля все больше раздражалась, чувствуя, как исчезает смазка и к царапинам от ногтей внутри нее добавляются натертости.

Он вынул из нее член, еле слышно зашипев, – видимо, и ему уже стало неприятно — удержал Алю от попытки выпрямиться, склонился и принялся терзать ее языком, положив ладони на бедра и раздвигая их так, как ему удобно. Она было расслабилась и снова поймала дразнящее острое ощущение, но тут он попробовал вновь вогнать внутрь палец. Аля дернулась вперед, отстранилась и помотала головой.

Нет. Точно нет. И так больно.

Тут и стала понятна разница между ними.

Он разозлился. Резко отбросил ее руки, вновь оголил бедра и загнал внутрь вместо одного пальца сразу три, шершавой подушечкой большого массируя клитор.

Это было уже немного мучительно и скорее странно, чем

приятно, но Аля терпела, уяснив, что любое ее сопротивление наказывается утроенной порцией того, от чего она пытается бежать. Но вот когда он добавил вторую руку, и мизинец проник в другую ее узкую дырочку, все-таки не сдержалась и, вскрикнув, отпрянула.

Оглянулась в испуге и поняла, что была права, – глаза его опасно загорелись. Пальцы покинули ее тело. Так и бросив ее с оголенным задом на кресле, он отошел в сторону, не потрудившись убрать стоящий торчком член. Прошелся по кухне, открывая один шкаф за другим, и в последнем нашел, что искал, – кукурузное масло.

Аля совсем не была готова начинать свой опыт анального секса тут, в Мексике, с незнакомым парнем на десять лет ее младше, какие бы решения о приключениях она ни принимала получасом раньше. Она выпрямилась и только собралась ему это сообщить, как он подскочил к ней и словно прочитав ее мысли, первым делом снова накрыл ладонью рот. Попытался нагнуть обратно, поставив в ту же позу, но Аля вывернулась, тоже разозлившись.

Он сжал зубы – и так жестокое его лицо стало еще больше похожим на лица богов, готовых карать непослушных смертных. Ухватил ее за руку и резко дернул к креслу. Аля напрягла все мышцы, сопротивляясь. Он обхватил ее за живот и попытался подсечь ноги, уже просто заваливая на пол. Халат задрался, маска на лице давно размазалась, но Аля вертелась как могла, всерьез вырываясь, стоило ему хоть чуть-

чуть ослабить хватку, так что поставить ее на четвереньки у него так и не получалось. Он зарычал, и в какой-то момент ей показалось, что он едва сдерживается, чтобы не дать ей оплеуху, – но не случилось.

Он резко сжал ее локоть, вывернул и все же уронил ее на колени и толкнул в спину, так что она едва успела выставить руки, уперевшись в дощатый пол. Но продолжать свои попытки добраться до ее задницы не стал, просто обошел по кругу, вздернул вверх, пальцами раскрыл ее рот, нажав с двух сторон на челюсть, и засунул свой член, пахнувший ее смазкой. Надавил на затылок, заставляя взять его глубже. Он был слишком длинным для нее, но Аля давилась и продолжала пытаться. Лучше уж так, а то вспомнит про задницу. Член скользил между ее губ, и как она ни пыталась сжимать их сильнее, он все равно пытался проникнуть в горло. Она кашляла, по подбородку текли слюни, и это уже переходило всякие границы, но наглеца полностью устраивало. Судя по довольной ухмылке на его лице, ему даже нравилось смотреть на нее в таком виде – мокрой, всклокоченной, с размазанной маской.

Когда бы все закончилось, неизвестно, Аля надеялась, что скоро: он уже напряженно дышал и хаотично подавался бедрами вперед – но тут их внимание привлек странный звук от двери.

У входа стояла его сестра и огромными глазами смотрела на то, что он делает с их гостей. Судя по ее шокированному

лицу – он так обращался все-таки не с каждой туристкой, заселившейся в квартиру.

17.

Все замерли.

Широко раскрыв глаза, девушка смотрела на губы Али, обнимающие член.

Аля же смотрела на ее изумленное лицо и почему-то вспоминала, как невольно увидела ее обнаженной в первый день.

А вот он – он заметил то, чего не заметила Аля.

Как рука его сестры непроизвольно легла на грудь под легкой шелковой маечкой. Словно первым порывом было – ласкать себя, а не возмутиться.

Он ухмыльнулся и медленно отступил от Али, освобождая ее рот. Она еле отдышалась, вытерла ладонью губы и хотела было подняться, но заметила, как он подмигнул сестре и кивнул на Алю. А сам сделал шаг назад, оперся на подоконник, нашаривая на нем сигареты, и закурил прямо в комнате. Даже не попытавшись застегнуть джинсы, так и стоял, смотрел, как его сестра обходит по кругу Алю, все еще послушно стоящую на коленях, и уголок губ кривился и полз вверх.

Девушка робко встретила Алин взгляд, тоже опустилась на колени и вдруг приникла к ее губам нежным поцелуем. Положила ладонь на ее грудь, сначала поверх халата, но по-

том отодвинула ткань и несмело обняла пальцами тяжелое полушарие, сжала их на крупном соске.

Все это – напряженно наблюдая за Алиным лицом и время от времени вздергивая взгляд на брата, будто бы за разрешением поиграть в его игрушку. Раздвинула полы халата, опустила руку и развела пальцами складки между ног, нащарила клитор и тихо, восторженно ахнула, будто наконец получила на Рождество подарок, о котором долго мечтала.

Посмотрела на брата благодарными сияющими глазами. Аля тоже перевела на него взгляд.

Он щурился от табачного дыма, в одной руке держа сигарету, а другой поглаживал напряженный член, глядя на Алю. От его горящего алчного взгляда становилось не по себе. Блестящая алая головка то ныряла в его кулак, то появлялась – все быстрее и быстрее.

Сестра облизнула губы и вновь вопросительно покосилась на него.

Тот снова кивнул, и она уже более уверенно припала губами к губам Али, одной рукой сжимая ее грудь, а другой елозя между ног.

Але вдруг стало противно. Лесбийские игры ее никогда не привлекали. Она мотнула головой, разрывая поцелуй, и в ответ на настойчивую попытку присосаться к ее губам опять, оттолкнула девушку и с отвращением вытерла рот.

И только потом испугалась.

Знала же, что неповиновение дешево не обходится, но это

было сильнее нее.

Парень быстро затушил сигарету, сделал шаг вперед и все-таки ударил ее по щеке. Не столько больно, сколько обидно – слезы так и брызнули.

Аля отшатнулась.

Он по-испански сказал что-то резкое сестре, указывая на дверь.

Та обернулась на Алю, потом опять к нему и возразила умоляющим тоном. Но он повторил то же самое громче и жестче. Она понурилась, поднялась с колен и медленно пошла к двери. Обернулась еще раз, вышла, закрыла дверь за собой и что-то напоследок крикнула уже с лестницы.

Он покачал головой и повернулся к Але.

Она держалась за щеку и глотала слезы.

«Встань и уйди, – твердило что-то внутри. – Просто встань и уйди, хватит терпеть!»

Бесполезно.

Она словно попала в морок, в страшную тягучую сказку, из которой не было выхода.

Он наклонился, подхватил ее – вроде бы юношеские его руки неожиданно вздулись мощными мускулами – и отнес в спальню. Уложил на кровать, плотно задернул занавески, задвинул щеколду и лег рядом.

В душной полутьме все казалось нереальным, медленным и чужим, как во сне.

Он поцеловал Алю, оскалился в ответ на ее недовольную

гримасу и вдруг сказал:

– Jesus, – указал на себя.

Вот и познакомились.

– Хесус, – устало сказала Аля по-русски. – Отпусти меня.

– Но, – покачал он головой, словно понял.

Хотя что тут не понять.

Жадный рот завладел ее ртом.

У его поцелуев был вкус дыма, перца и лайма. Руки скользнули по коже, вновь умело лаская, затягивая в горячую темную пропасть, заполненную текучим плотным наслаждением, проникающим во все отверстия в теле подобно воде.

У него было лицо древнего бога. Безжалостного и умелого, того, кто не признает отказов, хочет Алю только себе, но и дарит ей подарок за подарком.

Оргазм за оргазмом.

Пока она еще может стонать.

Пока она еще может хрипеть.

Пока он еще может любоваться ее искаженным лицом, бьющимся в судорогах телом и напряженными пальцами, царапающими резную спинку кровати, изготовленной когда-то для совсем другого мужчины и другой женщины, которые должны были войти в эту спальню как супруги и прожить всю жизнь в любви и согласии.

18.

Оставшиеся дни она уже никуда не ходила и не ездила.

Спала допоздна после жарких ночей, выходила на балкон в самый зной, вдыхала густой чужой воздух и возвращалась в прохладу ванной. Принимала душ и стирала с себя следы ночной страсти – тоником, скрабом, пилингами, пока покрасневшая кожа не начинала буквально скрипеть от чистоты.

Днем Хесус приносил ей снизу мамину стряпню и вожделенный кофе из города. Обедал вместе с ней, иногда похотливо сжимая темными пальцами, залитыми острым соусом, ее грудь. Сам же потом и слизывал этот соус – перецщипал соски, они краснели, а он довольно улыбался.

Входил в нее медленно, глядя в глаза, прямо в комнате, залитой невыносимо ярким солнечным светом, открытой всем ветрам, если бы им вздумалось пронестись от балкона до входной двери и попетлять в окнах-бойницах в коридоре.

Под те же звуки быта большой семьи – от телевизора до детского смеха.

Его забавляло, как дергается и сжимается Аля, когда раздаются шаги рядом с лестницей. Он посмеивался в этот момент и делал что-нибудь такое своими невероятно ловкими пальцами, что она, не сдержавшись, стонала в голос.

И словно наказывая ее за это, он накрывал ее рот ладо-

нюю, ставил на четвереньки и быстро и яростно трахал до искр из глаз, до криков, которые она гасила, впиваясь зубами в его горячую смуглую кожу.

Он требовал, чтобы она продолжала делать маски и мазаться своими бальзамами и пенками. Приводил ее в ванную, кивал на расставленные баночки и флаконы, сам выбирал то, что ему больше нравилось по запаху. Аля скидывала халат, устраивалась на краю кровати и втирала масло в зудящую после утреннего жесткого умывания кожу, гладила ее кончиками пальцев, размазывая по внутренней стороне бедер белое молочко под взглядом черных огненных глаз, добавляла те запахи, что выбрал Хесус. Пока он наблюдал за ней, член у него стоял колом, и Аля иногда сама выгибалась, чтобы слизнуть с него выступившую каплю. Но он не давал ей закончить – наоборот, сам вылизывал самые сладкие ее места, восхищенно и с упоением.

Вечером он уходил на несколько часов, и она ждала его голая, с раздвинутыми ногами, иногда лаская себя от скуки. Больше не хотела никуда ехать, потеряв интерес ко всем пирамидам и водопадам разом. Вообще как-то отупев – включила пару раз ноутбук, чтобы заняться работой, но черные строчки на белом экране имели для нее не больше смысла, чем причудливые значки на календаре мая. Аля убрала в чемодан ноут и больше не доставала, предпочитая часами бездумно пялиться в потолок спальни.

Возвращался Хесус пьяным и сразу набрасывался на

Алю, сливая ей в рот накопленную сперму из разбухшего члена. Потом долго трахал во всех позах подряд, раскрывая ей секрет за секретом. У нее было не так уж мало любовников, но по сравнению с этим двадцатилетним мальчишкой они все были неуклюжими неумехами. За эту неделю она узнала о сексе больше, чем за всю предыдущую жизнь.

Он был неугомонным и ненасытным, каким можно быть лишь в двадцать. Когда она начала ныть, жалуясь на то, что он натер ей все внутри, он принес какой-то прохладный крем и сам намазал ее везде, где дотянулся, – а у него были длинные пальцы. Сразу после холодка пришло желанное облегчение.

Смазал заодно и задницу, растянул колечко мышц, погладил изнутри стенки, но Аля так напряженно лежала и терпела, не сопротивляясь, но и не наслаждаясь, что он быстро потерял интерес.

Почти все между ними происходило в молчании. Аля уверилась, что английский бесполезен, а Хесус даже не пытался говорить с ней по-испански. Кажется, он вообще был весьма молчалив.

Она иногда стонала, но из-за невероятной слышимости громко это делать было нельзя, и приходилось утыкаться лицом в подушку.

Он только хрипел – редко, очень редко, только после того как кончал на излете марафона в пару часов, и только когда Аля впивалась в его плечи ногтями и кончала вместе с ним.

Когда Хесус снимал футболку, Аля видела, как расплосована его спина – свидетельство ее несдержанности. Он обязательно подходил к зеркалу, чтобы полюбоваться на эти следы и еле заметно изгибал в улыбке всегда сжатые губы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.